

DOI 10.15826/izv2.2024.26.3.040
УДК 811.161.1'282.2(470.22) +
+ 811.161.1'373.215(470.11)
+ 811.511.1'373 +
+ 81'23 + 81'27 + 81'373.46

И. А. Кюршунова
¹*Петрозаводский
государственный университет*
²*Карельский научный центр РАН*
Петрозаводск, Россия

НОМИНАЦИИ ПРОЦЕССА ГОВОРЕНИЯ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ КАРЕЛИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ (СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Статья посвящена плану содержания диалектных номинаций процесса говорения с прибалтийско-финской основой. Фиксация лексем в русских говорах Карелии и сопредельных с ней областях — свидетельство длительного процесса взаимоотношений русских и вепсов, карелов сначала в центрах со смешанной этнической структурой социума, а затем в регионах, которые принято считать русскими, где процессы языковой интерференции были достаточно активны как на структурном, так и на семантическом уровнях. Особенностью изучаемых номинаций является их интеграция наряду с исконно русскими по происхождению лексемами в семантическое поле «Человек говорящий». Актуальным видится рассмотрение специфики семантико-мотивационной трансформации заимствованных слов в лексико-семантической системе русских диалектов, что и послужило целью исследования в данной статье. В центре внимания находятся глагольные номинации, извлеченные из русских лексикографических источников. Они сопоставляются с данными, отмеченными в вепском, карельском, финском языках. На первом этапе с опорой на идеографическое описание русских глаголов, предпринятое Л. Г. Бабенко, выделены группы и подгруппы глаголов, представляющие различные акты речевой деятельности. Далее определяются способы семантического освоения слов с прибалтийско-финской основой в лексической системе русских говоров. Анализ семантики глаголов с точки зрения антропоцентризма показал, что особую значимость имели оноματοпоэтические лексемы, мотивированные зоологическим и природным кодами, ключевыми в осмыслении звучащей картины мира человека.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русские говоры; Карелия; прибалтийско-финские заимствования; адаптация; семантическое поле; мотивация; языковая картина мира; зоологический код; природный код

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ «Фундаментальные и прикладные аспекты исследования прибалтийско-финских языков Карелии и сопредельных областей» 121070700122-5.

Автор выражает глубокую признательность *И. И. Муллонен* за ценные консультации в ходе подготовки статьи.

Ц и т и р о в а н и е: *Кюршунова И. А.* Номинации процесса говорения прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии и сопредельных областей (семантический аспект) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26, № 3. С. 28–49. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.3.040>

Поступила в редакцию: 20.07.2022

Принята к печати: 08.07.2024

Irina A. Kyurshunova

¹*Petrozavodsk State University*

²*Karelian Research Centre of the RAS*

Petrozavodsk, Russia

NOMINATIONS OF THE SPEAKING PROCESS OF FINNIC ORIGIN IN RUSSIAN COLLOQUIALISMS OF KARELIA AND NEIGHBOURING REGIONS (SEMANTIC ASPECT)

This article examines the level of content of dialect nominations of the process of speaking with a Finnic basis. The Russian dialects of Karelia and neighbouring regions testify to the long process of mutual relations between Russians and Vepsians and Karelians, first in centres with a mixed ethnic structure of society, and then in regions considered as Russian, where the processes of language interference were quite active both at the structural and semantic levels. The peculiarity of the studied nominations is their integration along with the native Russian lexemes in the semantic field of “Speaking Person”. It is relevant to consider the specifics of semantic and motivational transformation of borrowed words in the lexical and semantic system of Russian dialects, which serves as the purpose of this study. The article focuses on verb nominations found in Russian lexicographic sources. They are compared with the data revealed in the Vepsian, Karelian, and Finnish languages. In the first stage, based on L. G. Babenko's ideographic description of Russian verbs, the author identifies groups and subgroups of verbs representing different acts of speech activity. Then the author determines methods of semantic transfer of words with Finnic base into the lexical system of Russian dialects. The analysis of the semantics of verbs from the point of view of anthropocentrism show that onomatopoeic lexemes motivated by zoological and natural codes, key in understanding the sounding picture of the human world, were of particular importance.

Key words: Russian dialects; Karelians; Finnic loanwords; adaptation; semantic field; motivation; linguistic picture of the world; zoological code; natural code

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the state assignment of the KarRC “Fundamental and Applied Aspects of the Study of the Finnic Languages of Karelia and Adjacent Regions” 121070700122-5.

The author would like to express deep gratitude to *Irma I. Mullonen* for valuable consultations during the preparation of the article.

For citation: Kyurshunova, I. A. (2024). Nominatsii protsessa govoreniia pribaltiisko-finskogo proiskhozhdeniia v russkikh govorakh Karelii i sopredel'nykh oblastei (semanticheskii aspekt) [Nominations of the Speaking Process of Finnic Origin in Russian Colloquialisms of Karelia and Neighbouring Regions (Semantic Aspect)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 26(3), 28–49. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.3.040>

Submitted: 20.07.2022

Accepted: 08.07.2024

Введение

Фрагмент лексико-семантического поля «Человек говорящий», представленный в русских диалектах глагольными лексемами прибалтийско-финского происхождения, — один из важных компонентов языковой картины мира, отражающий отношение диалектного социума к данному процессу через его оценку, а также ценность восприятия этого акта в языковой картине мира. Речевая деятельность, воплощенная в семантике номинаций говорения, имеет множество характеристик. Это позволяет понять не только самобытность народа и его «картину мира», но и увидеть особенности взаимопонимания между народами, пути обмена культурными ценностями и опытом жизни, что, без сомнения, является актуальным для осмысления и доказывает необходимость обращения к анализу семантической стороны этого фрагмента языковой действительности. А потому автор статьи ставил следующие задачи: 1) анализ особенностей рассматриваемых номинаций с точки зрения их вхождения в исследуемое семантическое поле; 2) описание специфики структуры значения изучаемых лексем и их связи с этимологией; 3) выяснение наиболее значимых акустико-артикуляционных особенностей, воплотившихся в номинациях процесса говорения.

В качестве источников материала использовались словари русских народных говоров, также привлекались данные этимологических словарей. В базе данных 204 глагольные лексемы, генетически связанные с прибалтийско-финскими основами.

Помимо описательного, этимологического, статистического, идеографического методов к исследуемому материалу применены элементы этнолингвистического подхода, который вкуче с методикой компонентного и сопоставительного анализа позволил увидеть развитие семантических переходов, актуализацию отдельных сем как в языке-источнике, так и в русском языке.

Результаты семантического исследования русских диалектных номинаций говорения прибалтийско-финского происхождения

С точки зрения семантики лексика прибалтийско-финского происхождения со значением говорения — составная часть соответствующего семантического поля «Человек говорящий», ядром которого является глагольная лексика.

Доминирующее положение глаголов в данном фрагменте языковой картины мира не случайно. Глагол, по мнению исследователей, «прокладывает своим концептуальным содержанием некие русла, по которым течет мощный поток человеческой мысли» [Кубрякова, 1997, с. 5], а следовательно, играет особую роль «в концептуализации и описании дел и событий, импликаций в его семантике того или иного компонента событий — его причины или его результата, его цели или способа совершения, его участников и т. п.» [Кубрякова, 2004, с. 265].

Теоретической базой исследования глаголов речи послужили работы Ю. Д. Апресяна [1996], Л. Г. Бабенко [1980], Л. М. Васильева [1981], Т. Г. Винокур [1993], И. А. Ермолаевой [2017], Анны А. Зализняк [2000] и др., в которых поднимается широкий спектр вопросов от классических до антропоцентрических, когнитивных, а именно: границы поля, его объем, динамика развития поля в разных стилях общения, взаимосвязь и взаимозависимость компонентов поля, пересечение с семантически близкими группами слов внутри поля и составляющих его микрополей (например, «Приветствие», «Поздравление» и др.), репрезентирующих через семный состав акцию говорения, общения, а также различные свойства, признаки речи, которые связаны между собой системными отношениями.

Особенности формирования центра и периферия изучаемого семантического множества в условиях говора, его соотношения с литературным языком отражены в исследованиях Л. В. Бабиной, В. А. Толмачевой и И. Н. Толмачевой [2020], Н. Ю. Баженова [2018], Ю. А. Бессоновой [2011], Е. А. Пюльзю [2008], Г. А. Фадеева [1986]; и др.

1. Состав и семантическая структура фрагмента семантического поля «Человек говорящий»

Анализ состава и семантической структуры фрагмента семантического поля «Человек говорящий» базируется на исследованиях, проведенных под рук. Л. Г. Бабенко и представленных в предисловиях «Толкового словаря русских глаголов : Идеографическое описание» [ТСРГ] и «Экспериментального синтаксического словаря» [ЭСС]. Вслед за Л. Г. Бабенко включение диалектных глаголов прибалтийско-финского происхождения в подполе «Речевая деятельность» определяется типовой семантикой базового глагола-идентификатора, указанной для выявленных объединений слов, обусловленных ситуациями: 1) характеризованной речевой деятельности (1.7.1); 2) речевого сообщения (1.7.2); 3) речевого общения (1.7.3); 4) речевого обращения (1.7.4); 5) речевого воздействия (1.7.5) [см.: ТСРГ, с. 14, 349–379]. Затем на основе более конкретных и содержательных по сравнению с базовыми глаголами словарных дефиниций, отличающихся дополнительными семантическими признаками, варьирующими основную семантическую идею класса, слова распределены по группам, представляющим синонимические ряды разного объема.

Так, в словах *вiньгать*, *мáгайдать*, *мýгайдать*, *нiюгайдать*, *нiягать*, *нiягайдать* выделяется значение 'гнусавить', ср.: *вiньгать* 'говорить в нос' (Олон.) [СРНГ,

вып. 4, с. 291]; *магайдать* 'говорить в нос, гнусавить' (Медв.) [СРГК, вып. 3, с. 184], *мягайдать* 'то же' (Север.) [СРНГ, вып. 19, с. 73], *нюгайдать* 'то же' (Медв., Кондоп.) [СРГК, вып. 4, с. 58], *нявгать* 'то же' (Карг., Волог.) [Там же, с. 60], *нягайдать* 'то же' (Кондоп.) [Там же]. Это позволяет объединить слова в синонимический ряд с доминантой *гнусавить*, которая в ТСРГ определяется следующим образом: 'произносить звуки нечетко, в нос, с носовым призвуком' [ТСРГ, с. 351]. Затем выясняется место данного синонимического ряда в структуре более крупного семантического множества, соответствующего одной из обобщенных формул толкования, отображающих, согласно ТСРГ, определенные ситуации речевой деятельности. В частности, представленные выше номинации со значением 'гнусавить' относятся к глаголам *характеризованной речевой деятельности* (1.7.1) с типовой семантикой 'произносить (произнести) что-л., как-л., каким-л. образом, обнаруживая характерные артикуляционные особенности говорения или выражая при этом какие-л. внутренние эмоциональные состояния' [ТСРГ, с. 349].

При классификации глаголов учитывается многозначность, а также иллюстративный материал словарной статьи. И в первом, и во втором случае одна и та же форма выражения может быть включена в разные синонимические ряды и в разные более крупные семантические множества. Если первая процедура по определению места слова в парадигме понятна (это описано в ТСРГ), то особенности обработки материала, связанные с привлечением иллюстративного материала, требуют небольшого комментария.

Слово *áрандать* в значении 'кричать, ругаться' может входить в синонимические ряды, отражающие как ситуацию характеризованной речевой деятельности, так и ситуацию речевого общения, что обусловлено интерпретацией иллюстраций, представленных в диалектном словаре. Ср.:

- (1) Ну-ка, не *áрандай*-ка ты зря, замолчи-ка, не кричи, получишь (Подп.);
- (2) Не *áрандайте*, спать буду, не шумите (Подп.);
- (3) Варандать, *áрандать*, как ругаемся друг на друга, ой, хватит варандать, всяко, у кого как язык скривится, варандать, варадать (Пуд.) [СРГК, вып. 1, с. 21].

В примере (1) в контексте актуализируется модель «субъект — предикат характеризованной речевой деятельности и проявления эмоционального состояния» [ЭСС], т. е. «человек произносит что-л. каким-л. образом, проявляя свое эмоциональное состояние, настроение и т. п.» [Там же]; в примере (2) представлена ситуация речевого обращения (1.7.4) с базовой моделью «субъект — предикат обращения — адресат», которая реализует лексический вариант модели «человек направляет свою речь, слова к кому-л., высказывая какую-л. просьбу, предложение, требование и т. п.» [Там же]; в примере (3) отражена ситуация речевого общения (1.7.3), модель «субъект-адресант — предикат речевого общения и внешнего проявления отношения — субъект-адресат» [Там же], т. е. «человек, разговаривая с кем-л., проявляет свое <...> отрицательное

<...> отношение к собеседнику» [ЭСС]. Как следствие, слово с одним и тем же толкованием включено в разные подгруппы с определенной «классовой семантикой» [ТСРГ, с. 14].

Учет этих особенностей при распределении диалектных глагольных номинаций прибалтийско-финского происхождения по синонимическим рядам и более крупным семантическим объединениям и представлен в табл. 1.

Таблица 1

**Семантические группы глаголов речевой деятельности
прибалтийско-финского происхождения (по данным диалектных словарей)¹**

Лексическое значение	Примеры глаголов с прибалтийско-финскими основами
1.7.1. Ситуация характеризованной речевой деятельности	
‘болтать’ (‘пустословить’), ‘много говорить’	áрандать, ба́рандить, бо́ройдать (<i>экспр.</i>), бя́ляндать (<i>экспр.</i>), ве́рендать, вя́жандать, вя́нькать (<i>экспр.</i>) (навя́нькать), гу́рибать, ка́лайдать, ке́рандать, кы́рандать, кя́верзить, ла́вайдать [ля́бандать (разла́бандать, разла́бандаться), ла́бодать], ла́мандать, лив́кать (<i>перен.</i>), *ло́вайдать / поло́вайдать [ла́вайдать], лоло́тать (<i>экспр.</i>), лото́шить, ля́бандать (<i>экспр.</i>), ля́бдить, ля́бзать (поля́бзать, разли́бзать, разли́бзаться) [*ля́мзать / наля́мзать]; ля́бзить [ля́взить (разля́взить, разли́взиться)], ля́жжать, *ля́мбать / наля́мбать, ля́мгать, ля́мзять, ля́скать, ля́чкать, ме́ляйждать [меландать], *мя́жедать / намя́жедать, ра́байдать (<i>экспр.</i>) [ря́бендать, ра́бойждать, рыба́ндать] (дора́бойждать), ромади́ть, ря́петать, *то́рбовать / нато́рбовать, ты́рандовать, фу́рандовать, чива́рдовать (почива́рдовать), *шо́рбовать / нашо́рбовать, шаве́ровать
‘бормотать’, ‘бубнить’	бу́ландать (<i>экспр.</i>), бу́рандовать, бурбо́татъ, *вя́ньгать / повя́ньгивать, вя́нькать, ку́рандовать, ме́жеждать, мемлечи́ть, му́гандать (<i>экспр.</i>), мя́гайждать, мя́жендовать, мя́райждать, ню́гайждать [ню́гандать], ре́четать, у́рандовать
‘браниться’, ‘ругаться’	áрандовать, ба́рандовать, бра́ндовать, бу́райждать, ва́рандовать [ва́рындать, вя́рандовать], ке́хтать, кира́йждать, мя́райждать, ну́гайждать, ря́нжать, у́рандовать
‘бурчать’	кя́райждать
‘ворчать’ (‘брюзжать’)	áрандовать, ба́рандовать, бу́зайждать, бу́зандать, бу́райждать (разбу́райдаться), бу́рандовать (побу́рандовать), ва́рандовать (<i>экспр.</i>) (пова́рандовать), ва́райждать (пова́райждать, разва́райдаться), *ва́рандаться / пова́рандаться, варанду́чить, ве́ньгать, воронда́ть,

¹ В первой колонке толкования расположены в алфавитном порядке. Во второй колонке звездочкой (*) помечены лексемы, существование которых в диалекте установлено по производным, указанным следом через слеш. В квадратных скобках даны варианты слов, в круглых — аффиксальные производные. Данные в скобках и после слеша не учитываются при подсчетах.

Продолжение табл. 1

Лексическое значение	Примеры глаголов с прибалтийско-финскими основами
	в́аряндать, кы́рандатель, ку́хтать, ну́гайдать [ню́гайдать], ре́бяйдать, ря́хкать, у́рандатель, фу́няндатель (<i>экспр.</i>), фа́райдать [фы́рандатель], *ха́райдать / расха́райдателься, хо́рандатель [хы́рандатель], ча́вандатель [чав́яндатель], шы́гандатель
‘галдеть’	гу́райдать
‘говорить вполголоса’ = ‘говорить тихо’	ба́рандатель; пинедать, шо́байдать [шобадать], шо́байдателься, шо́байдатель [шобандитель]
‘говорить невнятно’	а́рандатель, бу́лендатель, бу́рботатель, ве́ньгать, вянькать, кы́рандатель, кя́райдать, ля́мзитель, мя́гайдать, ме́жайдать [мя́жендатель], мя́рейдатель, *ню́гайдать / проню́гайдать, чыв́айдать, чыв́ардатель, чы́райдать [чы́рандатель], ша́вердатель [шав́ертатель, шевердатель]
‘говорить с обидой’	кы́рандатель, ра́байдать (<i>экспр.</i>)
‘говорить с раздражением’	ра́байдать
‘говорить хриплым голосом’	кя́рейдатель, кя́рандатель, ха́райдать [ха́радатель, ха́рататель]
‘говорить громко’	ло́вандатель, *у́рандатель / проу́рандатель
‘грубо разговаривать’	кы́рандатель
‘гнусявить’	ви́ньгать [ве́ньгать], ма́гайдать [мягайдать], ню́гайдать, ня́вгать, ня́гайдать
‘жаловаться’	ме́гойдунатель
‘тараторить’	та́райдать (прота́райдать), то́йдать (<i>экспр.</i>)
‘шептать’	бу́зандатель, ша́гандатель, *ша́байдать / проша́байдать, шо́байдать [шобадать], шо́байдателься
Всего номинаций	135 / в ТСРГ – 74
1.7.2. Ситуация речевого сообщения	
‘болтать’	бангать, вянькать (навянькать), ры́бандатель
‘возражать’	арго́нуть, кы́рандатель, фу́радатель
‘врать’	барандатель, бу́лейдатель [булендатель], вы́рандатель, ля́чкать
‘говорить’	ба́лайдатель, бря́нгать, га́лайдатель (<i>экспр.</i>), ка́лайдатель, ку́лындатель, ку́рандатель, кы́рандатель, кя́рчить, ла́бандатель [лабодать], *ля́бдатель / переля́бдатель, ла́мандатель, ло́вендатель, ля́бондатель, ро́гайдать, ря́мейдатель, ча́бадатель (<i>экспр.</i>), чачита́ть (почачита́ть)
‘обещать’	а́рандатель
‘поучать’	мя́ландатель
‘рассказывать’	ма́лтатель, пачетать

Окончание табл. 1

Лексическое значение	Примеры глаголов с прибалтийско-финскими основами
‘сплетничать’	*ба́йдать / побáйдать, лявeндать, *ла́байдать / нала́байдать, *ля́жить / наля́жить, шóбайдать, шóбандить
Всего номинаций	37 / в ТСРГ – 119
1.7.3. Ситуация речевого общения	
‘болтать’	балайдать, *буландать / побуландать, кулындать, лабайдать (налабайдать) [лабандать, лябандать], лолотать, ляжжать, халяндать [халендатель], харайдать, хыландать, чивардатель
‘беседовать’, ‘разговаривать’	бурандатель, ляжжатель
‘возражать’	кырандатель
‘перебивать’	мáлтатель
‘просить’	ва́рядатель, ве́ньгатель, ме́регатель, молика́ть
‘ругаться’	а́рандатель, лячкать
‘спрашивать’	но́хатель
‘шептаться’	ши́гайдать
Всего номинаций	22 / в ТСРГ – 49
1.7.4. Ситуация речевого обращения	
‘звать’	гу́мкать, пáйжитатель
‘обращаться’	а́рандатель
Всего номинаций	3 / в ТСРГ – 16
1.7.5. Ситуация речевого воздействия	
‘бранить’	ва́рядатель
‘выпрашивать’	ва́райдатель, ва́райдовать, ве́ньгатель
‘зубоскалить’	га́ляндатель
‘насмехаться’	чи́райдатель
‘надоедать разговорами’	бу́зандатель
‘просить’	вяньгатель, молика́ть
Всего номинаций	9 / в ТСРГ – 55

Таким образом, с опорой на исследование Л. Г. Бабенко, в таблице демонстрируется структура иерархически организованного семантического множества «Речевая деятельность», включающая синонимические ряды прибалтийско-финских по происхождению глаголов, которые вкуче с исконно русскими глаголами, а также с существительными и прилагательными разного генезиса входят в более крупные лексико-семантические группы речевой деятельности, относящиеся к полю «Человек говорящий».

Большое количество лексем прибалтийско-финского происхождения в русскоязычной диалектной среде, объемные синонимические ряды исследуемого поля являются отражением ситуации билингвизма, тесного общения разных этносов. Как результат, диалектоноситель, разъясняя семантику слова, обращается как к исконно русским, так и к заимствованным словам, считая их «родными» членами русской языковой системы. Ср. показательный в данном случае пример: «Кéхтать — это ругаться, а *кéхтать*, *вáрандaть*, *кíрайда́ть* — *ругаться* на человека» (Медв.) [СРГК, вып. 2, с. 341], где при пояснении значения слова в один синонимический ряд ставятся славянские и неславянские (вероятнее всего, субстратные) лексемы, а точкой отсчета считается исконно русский глагол *ругаться*.

Возможно, включение и определение некоторых групп слов является дискуссионным. Прежде всего это касается данных, которые маркированы в таблице заливкой серого цвета. Выделенные группы глаголов с указанной семантикой отсутствуют в идеографической классификации Л. Г. Бабенко или входят, по Л. Г. Бабенко, в состав других парадигматических групп. Так, слова *бáрандaть*, *пíнеда́ть*, *шóбайда́ть* со значением ‘говорить вполголоса’, ‘говорить тихо’ определены в группу глаголов характеризованной речевой деятельности (1.7.1), что обусловлено типовой семантикой — ‘произносить (произнести) что-л., как-л., каким-л. образом, обнаруживая характерные артикуляционные особенности говорения или выражая при этом какие-л. внутренние эмоциональные состояния’ [ТСРГ, с. 349]. Однако полного пересечения с семантикой глаголов литературного языка, где можно выделить сему ‘тихо’, у обозначенных выше глаголов нет, ср. в литературном языке: *ворча́ть* ‘произносить сердитые, недовольные слова, бормоча что-л. про себя, *тихо* или себе под нос, выражая неудовольствие, недовольство чем-л.’ [Там же, с. 350]; *лопо́тать* ‘говорить невнятно, обычно быстро, *тихо* проговаривая слова и пропуская буквы, слоги’ [Там же, с. 352]; *шепта́ть* ‘произносить что-л. очень *тихо*, почти беззвучно, без участия голосовых связок’ [Там же, с. 355].

Группы глаголов со значением ‘говорить хриплым голосом’, ‘грубо разговаривать’, ‘говорить с раздражением’ и т. п. также включаем в семантическое множество глаголов характеризованной речевой деятельности (1.7.1), поскольку описательные диалектные толкования слов не являются аналогами семантических определений литературных лексем *хрипеть*, *грубить*, *раздражаться*. Так, глагол *хрипеть* ‘издавать сильные горловые звуки, шумы (хрипы) при затруднённом дыхании; тяжело, с шумом дышать’ [Там же, с. 455] относится к глаголам звучания (1.10) [Там же, с. 444]. Значение же диалектной номинации *кя́рейда́ть* ‘говорить хриплым голосом, хрипеть’ (Медв.) [СРГК, вып. 3, с. 84] в данном случае можно интерпретировать так: ‘иметь хриплый голос как физиологическую составляющую; постоянно говорить таким голосом’, а следовательно, и включить в семантическое множество, характеризующее речевую деятельность (1.7.1). Глагол *грубить* в значении ‘вести себя бесцеремонно, нарушая этикетные нормы, говоря неприятные, резкие, нетактичные слова и выражения; поступать

неуважительно, пренебрежительно, неучтиво по отношению к кому-л.' [ТСРГ, с. 422] синонимичен диалектному *кырандатъ* 'грубо разговаривать, кричать' (Медв.) [СРГК, вып. 3, с. 82], но, вероятно, вводит его только в группу глаголов поступка и поведения (1.8.9) [ТСРГ, с. 420] не совсем оправданно, поскольку семантика речевой деятельности представляется в данном случае если не более сильной, то равноправной. Подобным образом диал. *рабайдатъ* 'говорить с раздражением' (Медв.) [СРГК, вып. 5, с. 385] совмещает значения речевой деятельности и, вероятно, становления эмоционального состояния (2.2.4.2), которое содержится в значении глагола *раздражаться* 'приходить (прийти) в состояние недовольства, досады' [ТСРГ, с. 530].

Без сомнения, это обусловлено тем, что денотативное пространство говора имеет несколько иное членение. Именно по этой причине в словарной дефиниции диалектного глагола может быть представлено описание уточняющего характера, в котором компоненты значения тесно переплетаются между собой, ср.: *бръндатъ* 'сильно кричать, ругая кого-то' (Кириш.) [СРГК, вып. 1, с. 104], *бурандатъ* 'бормотать, бубнить под нос' (Кондоп., Подп.) [Там же, с. 141], *кырандатъ* 'много говорить, болтать' (Сег., Медв., Подп.), *кырындатъ* 'говорить с обидой' (Подп.) [СРГК, вып. 3, с. 82], *кяверзитъ* 'говорить много впустую, болтать' (Кондоп.) [Там же, с. 84] и др.

Материалы, представленные в табл. 1, свидетельствуют о том, что в диалектной системе региона больше глаголов с прибалтийско-финскими основами, описывающих ситуации характеризованной речевой деятельности. Их почти в два раза больше глаголов, зафиксированных в литературном языке и представленных в ТСРГ².

Если же присовокупить диалектные лексемы славянского происхождения, то данное семантическое множество еще увеличится³. При этом в него входят объемные по количеству единиц синонимические ряды с семантикой 'болтать' ('пустословить') — 39, 'ворчать' ('брюзжать') — 25, 'говорить невнятно' — 16, 'бормотать' — 15, 'браниться' — 10. Объемными оказались и синонимические ряды со значением 'говорить' — 17 из группы глаголов речевого сообщения и 'болтать' — 10 из группы глаголов речевого общения. Количественные показатели не случайны и являются отражением отношения диалектного социума к особенностям артикуляции и внутреннего эмоционального состояния говорящих: излишняя болтливость, ворчливость, неясная речь, оскорбления стояли вне нормы, поскольку нарушали межличностную коммуникацию и, вероятно, мешали полноценно трудиться.

² См. сравнения количественных показателей из диалектных словарей с материалами ТСРГ, которые представлены в таблице в маркированных строчках («Всего номинаций») через слеш.

³ Ср. слова на букву «Б» в СРГК, которые можно отнести к глаголам, представляющим ситуацию характеризованной речевой деятельности: *базлѣть*, *байничать*, *балаболѣть*, *балакатъ*, *балахтитъ*, *барабонѣть*, *бараборѣть*, *барабошитъ*, *бахрѣть*, *бахтитъ*, *бачѣть*, *баять*, *белебесѣть*, *блажнѣть*, *болбоатъ*, *болтошитъ*, *брѣдитъ*, *бряжжѣть*, *брякотѣть*, *бряхѣть*, *булькатъ*, *бунѣть*, *бухтѣть* и др. [СРГК, вып. 1, с. 24–158].

Важно уточнить, что в русских говорах отсутствуют номинации с полярной семантикой ‘молчать’ (и ‘молчаливый человек’, ‘молчаливость’ и т. п.), генетически связанные с прибалтийско-финскими языками. Это заставляет взглянуть на исследуемые материалы как на отражение особенностей контактирующих этносов на территории интенсивного обрусения.

Составляющими данного фрагмента поля будут также экспрессивные названия лиц и прилагательные, производные от глаголов. Важность этих лексем заключается в актуализации семантического компонента и перенесении его на субъект или признак, особенно у многозначных глаголов. Например, у глагола *бурандать* фиксируются следующие лексико-семантические варианты со значением говорения: 1) ‘разговаривать, беседовать’ (Баб., Подп., Медв.); 2) ‘ворчать, брюзжать’ (Подп., Выт., Кондоп., Медв.); 3) ‘бормотать, бубнить под нос’ (Кондоп., Подп.) [СРГК, вып. 1, с. 141], а в мотивированном глаголом экспрессиве *бурандунья* ‘та, которая любит ворчать, ворчунья’ (Кондоп.) [Там же], как видим, актуализируется второе значение — ‘ворчать’.

Можно усматривать экспрессию и у глаголов, однако лексикографические источники непоследовательно представляют эту сторону функционирования лексем в системе диалекта, а иллюстративный материал не всегда дает возможность выделить коннотативные компоненты в структуре значения слова. Так, результатом сплошной выборки из «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» стали только 35 глаголов с пометой «экспрессивное», что, безусловно, не отражает действительность.

Конечно, полную картину по фрагменту семантического поля «Человек говорящий» можно составить только при учете всех единиц, входящих в него. Однако часть этого фрагмента — глаголы речевой деятельности прибалтийско-финского происхождения — достаточно показательна в плане представления сложной иерархии компонентов поля и отношений между ними, определении его значимых участков.

2. Особенности семантического вхождения слов прибалтийско-финского происхождения в русскую диалектную систему

В русских говорах слова прибалтийско-финского происхождения, подобно любым другим словам, присутствующим в языковой системе, одновременно сохраняли и развивали не только морфонологическую, грамматическую, но и семантическую жизнь. Последняя определяется комплексом семантических показателей, фиксирующихся в дефинициях диалектных слов, а также у соответствующих этимонов.

С этой целью проведено сопоставление ЛСВ диалектных слов с соответствующими лексемами в прибалтийско-финских языках.

Анализ номинаций показал, что семантика речевой деятельности, позволяющая считать заимствованное слово частью поля «Человек говорящий», прямо или косвенно уже присутствовала в языке-источнике.

Так, значение глагола *áрандать* ‘выражать недовольство чем-н., ворчать’ (Выт., Подп.) [СРНГ, вып. 1, с. 20–21] выявляется в прибалтийско-финских

языках, ср.: ливв. *äristä* ‘рычать, рывкать’, ‘выражать недовольство, огрызаться’ [СКЯМ, с. 453]; карел. *ärjyö* ‘кричать, реветь’ [КРС, с. 214]; вепс. *äreita, areite* ‘ворчать, рычать’ [НВРС, с. 490]; фин. *ärjäistä* ‘крикнуть, закричать’ [ФРС, с. 788]. Обращает на себя внимание компонент ‘рычать’, отмеченный в одном из диалектов вепсского языка. Неслучайным видится сохранение в русских говорах у слова *áрандaть* этого семантического компонента, ср.: *áрандaть* ‘рычать (о собаке)’ (Лод.) [СРГК, вып. 1, с. 21]. Вполне возможно, что зафиксированное в говорах значение было исторически первичным в языке-источнике и относилось к звукам, производимым любыми животными. На прибалтийско-финской почве слово получило переносное значение и в таком виде попало в русский язык, развивая многозначность, ср. помимо указанных следующие значения: ‘кричать, ругаться’ (Подп., Пуд.); ‘болтать, пустословить’ (Подп., Баб.); ‘обещать сделать что-н.’ (Выт.); ‘невнятно произносить слова’, ‘плакать’ (Подп.) [Там же, с. 20–21], которые фиксируются в территориально близких диалектах. Актуализация семы ‘ворчать’ представлена в производном *аранду́нья* ‘ворчунья’ (Выт.) [Там же].

Семантическое освоение заимствованного слова, связанное с определением точного направления семантической производности, является для данного исследования в определенной степени проблемным вопросом. Большая часть рассматриваемых семантических переносов имеют некоторую относительность. Однозначны только общие направления регулярных переносов, связанные с переосмыслением звукорядов: 1) звуковое действие, издаваемое насекомым / животным / птицей → характеристика речевых особенностей человека; 2) звуковое действие, производимое предметом → характеристика речевого поведения человека; 3) звуковое действие, производимое природным явлением → характеристика речевого поведения человека.

Конкретный сценарий развития переносных значений по данным словарей корректно определить не всегда возможно. Исследуемый материал имеет высокую вариативность как в языке-источнике, так и в русских говорах [см. примеры: Кюршунова]. Ср.: вепс. *värišta* ‘плакать’ [НВРС, с. 477], карел. ливв. *värištä* ‘ворчать, выражать недовольство’ [СКЯМ, с. 446], фин. *väristä* ‘дрожать, трястись’ [СОС, с. 181], фин. *väristyttää* ‘дрожать, трястись, трепетать’ [ФРС, с. 767], а также карел. *värissä* ‘дрожать, трепетать, трястись’, ‘выть, рычать, ворчать, гавкать (о собаке)’ [KKS]. Как следствие, множество семантических дериватов у данного глагола в говорах, включая оттенки, где *váрайда́ть* — 1) ‘ворчать, брюзжать на кого-н.’ (Пуд., Медв.) // ‘браниться, ругать’ (Пуд.) // ‘жалеть, высказывать сожаление по поводу чего-н.’ (Пуд., Белом., Кем., Кондоп., Подп., Прион., Сег.); 2) ‘тихо петь, напевать’ (Плес., Пуд., Медв.); 3) ‘врать’ (Выт.); 4) ‘выпрашивать, клянчить’ (Медв.) [СРГК, вып. 1, с. 161].

Без сомнения, компоненты значений позволяют увидеть взаимосвязь вариантов многозначных слов, но переизбыток формальных (на уровне плана выражения) и семантических пересечений не дает возможности четко детализировать семантические переносы. Сделать это с опорой на лексикографические источники достаточно сложно. Так, многозначный глагол *гурайда́ть* в русских говорах

имеет большое количество звукозначений: ‘ворковать (о голубях)’, ‘токовать (о птице)’, ‘мычать’ (Медв.), ‘квакать’ (Волог.), ‘мяукать’ (Онеж.), ‘урчать (о животе, желудке)’ (Медв.), ‘издавать звуки гу-гу (о ребенке)’ (Медв., Кондоп.), но какое из них стало основой для переносного — ‘громко разговаривать, галдеть’ (Медв.) [СРГК, вып. 1, с. 416], — сказать сложно. Возможно, оно было напрямую связано с фин. *hurata* ‘шуметь, гудеть, жужжать’ [SES], при карел. *hurata*, ливв. *hurista* ‘шуметь, гудеть, жужжать’ [KKS], которые по каким-то причинам не сохранились в лексической системе говора.

Подобные соотношения, отмеченные в лексикографических источниках (несмотря на лакуны в представлении словарных материалов), позволяют обратить внимание на способы семантического освоения заимствованных номинаций в лексической системе русских говоров.

2.1. Номинации говорения прибалтийско-финского происхождения, сохранившиеся в русских говорах Карелии в прямом значении

В данном случае значение слова прибалтийско-финского происхождения являлось частью семантического поля «Человек говорящий» еще в языке-источнике, а затем было заимствовано в русские говоры с полным или частичным сохранением семантики (см. табл. 2).

Таблица 2

Сопоставление номинаций в прибалтийско-финских языках и русских говорах (некоторые примеры)

Слова в языке-источнике	Соответствия в русских говорах
вепс. <i>kirgauta</i> ‘крикнуть, окликнуть’, <i>kirakta</i> ‘окликать, окликнуть’ [НВРС, с. 162, 164]	<i>кíрайдать</i> ‘кричать’, ‘ругаться’ (Медв.) [СРГК, вып. 2, с. 348]
карел. <i>läpätteä</i> ‘сболтнуть’ [KKS]; карел. <i>päista läpettiä</i> ‘тараторить’ [Федотова, с. 99]	<i>лябондать</i> ‘говорить’ (Белозер. Новг.) [СРНГ, вып. 17, с. 251], <i>лябондать</i> ‘говорить пустяки’ (Белозерье) [РДЭС, с. 465]
карел. <i>lävissä</i> ‘болтать, пустословить’ [KKS]	<i>лявендать</i> ‘заниматься пересудами, сплетничать’ (Выт.) [СРГК, вып. 3, с. 171]
вепс. <i>änestada</i> ‘подать голос, откликнуться’, ‘голосить, причитать в голос’, ‘громко кричать’ <i>änen antta</i> ‘подать голос’ [СВЯ, с. 657]; люд. <i>iändädä</i> ‘кричать, говорить’, фин. <i>ääntää</i> ‘подавать голос, произносить, говорить’ [SES]	<i>няндать</i> ‘говорить невнятно, неразборчиво, бормотать’ (Выт.) [СРГК, вып. 4, с. 60]
вепс. <i>pačotada</i> ‘сильно ругать, бранить’ [СВЯ, с. 387]	<i>пачетать</i> ‘рассказывать’ (Прион.) [СРГК, вып. 4, с. 416]
вепс. <i>räpätada</i> ‘трещать, болтать без умолку’ [СВЯ, с. 490]	<i>ряпетать</i> ‘болтать попусту, пустословить; бойко говорить’ (Лод.) [СРГК, вып. 5, с. 613]

Как видим, примеров, когда в русской диалектной системе закреплялись слова, у которых не было потенциала развивать или кардинально менять значение, немного. В русских говорах эти номинации имеют чаще всего одно значение.

2.2. Развитие переносного значения у глаголов прибалтийско-финского происхождения на русской почве

Гораздо больше в нашем распоряжении иллюстраций, в которых прямое значение слова с прибалтийско-финской основой попадает в семантическую переработку уже на русской почве⁴.

Так, в языке существует достаточно продуктивная универсальная семантическая модель: «животное → человек», в которую укладывается другая: «звук, издаваемый животным → звук, издаваемый человеком». Ср. в данном случае общерусские переносные глагольные номинации речевой деятельности человека, соответствующие данному виду переноса: *блеть*, *ворковать*, *гавкать*, *гоготать*, *каркать*, *кудахтать*, *кукарекать*, *мурлыкать*, *мычать*, *чирикать*, *шипеть*, *щебетать* и др.⁵ Менее востребованы, но также достаточно продуктивны модели «явление природы → человек» и «предмет → человек», и как следствие, «звук, издаваемый природным явлением → звук, издаваемый человеком», «звук, издаваемый предметом → звук, издаваемый человеком», ср.: *греметь*, *звенеть*, *журчать*, *трещать* и др.

Подобная оноματοпоэтическая природа звукономинаций представлена и в заимствованных лексемах, где интегрируется семантика:

1) 'издавать звук с помощью голосового органа': бык *бóрайдает*, *рóгайдает*, *мýрендает*, *рúгайдает*, *урайдает*, *урандает*; змея *шúгайдает*; комар *бúзандает*, *вáрандает*, *нúгандает*, *нúжайдает*, *нúнендает*; корова *вáрандает*, *мýрандает*, *мúрайдает*, *нúорайдает*, *урайдает*; кот / кошка *вáрандает*, *кúрайдает*, *кýркает*, *нýвендает*, *нýвжит*, *нýвкает*, *нýндает*, *óравгает*, *óрайдает*, *нúжандает*, *рáвгает*, *рáвкает*, *рýвендает*, *урандает*, *фýрайдает*, *хóрайдает*, *хрýбайдает* и др.; курица *кúрандает*, *кúрайдает*, *кýрайдает*, *кýрандает*, *кýркает*, *хáрайдает*, *чúвириндает*, *шáрайдает*; лягушка *вáрадает*, *урандает*, *кúрандает*, *кúмкает*, *хóрадает*; медведь *мýркает*, *рýчендает*; муха *бúзандает*, *бúрандает*, *вóрондает*; овод *шáгайдает*; овца *бáгайдает*; олень *рýвкует*, *рýвгует*; птицы *нúнгают*, *нúнендают*, *чúвардают*, *чúбайдуют*; сверчок *нúжандает*; собака *у́ландает*, *у́родает*; теленок *рэмбает*, *урайдает*; цыплята *чúвайдают*;

2) 'производить звук': будильник *тýрайдает*; ветви деревьев под ногами *мýжейдают*; вода в реке *бúлендает*, *лéчайдает*, *чёрайдает*, *чóбайдает*; кипящая вода *тýрандает*; гром *гúмайдает*, *тúрайдает*; дверь *кáлайдает*, *шáбайдает*; деньги в кармане *кáландают*; дрова *рэ́зендают*; железница в стене

⁴ Возможно, в ряде случаев прямое и переносное значение одновременно принимались заимствующей системой. Однако количество переносных значений бывает достаточно большим, чтобы утверждать только это (подробнее см. ниже).

⁵ Описание подобной универсалии в других языках см., например, у О. Д. Дворника [Дворник] и др.

дома *шáрайдает*; камыш, каша *шóбайдают*; колокол *бáнгает*; колокольчик *лáвайдает*; кости *рjáжайдают*; кот лапами шумно *лóмайдает*, *шáрандает*; крылья бубарки *шарантjят*; курица *чóрайдает*; листья под ногами *либайдают*, *мjажендают*, *шóбайдают*, *шjргдают*; масло *чjрайдает*; машина *фjрайдает*; медведь *кóландает*; мотор *затóрайдал*; мыши *шáбандаются*, *шарантjят*; половицы в доме *лóмайдают*; посуда *лáмайдает*, *лóбайдает*, *рjмjайдает*, *чёрайдает*; радио *пjжайдает*; ручей *бjрандает*, *вáлайдает*, *чjлайдает*, *шóрайдает*; рыба *шóландает*; самовар *рóбайдает*; сухари *шáрадают*; табуретка *хрjбайдает*; трещотка для отпугивания животных *рjпетает*; что-то *шóрадает*, *шóрайдат*.

Понятно, что указанные выше звукоподражательные глаголы — это потенциальные глаголы речи, а потому подавляющее большинство из них регулярно развивало метафорическое значение и вошло таким образом в исследуемое семантическое поле.

Иллюстративный материал наглядно показывает, звуки каких животных, природных объектов, утвари, выбраны в качестве сравнения с процессом говорения человека, особенностей его речевого поведения. С достаточной степенью уверенности можно утверждать, что наиболее активным являлся зоологический код. Ассоциативному звукоряду животных значительно уступает природный и предметный акустический ряд, хотя и здесь можно выделить наиболее востребованные звуки — шум воды, ручья, листьев, посуды. Эти субъекты и объекты являлись значимыми и находили отражение в языковой картине мира северного социума.

Таким образом, глагольные лексемы, развившие на русской почве значения ‘говорить’, ‘болтать’, ‘ворчать’, ‘пустословить’, ‘ругаться’ и пр., в языке-источнике являлись оноματοпоэтическими и первоначально называли действия, издаваемые насекомыми, животными, производимые различными объектами, явлениями природы. Так, значения вепсского глагола *buzaita* ‘жужжать’ [НВРС, с. 46] и русского *бjзандать* ‘жужжать, пищать (о мухе)’ (Подп.) [СРГК, вып. 1, с. 133] послужили основой для переносных характеристик речи, ее особенностей: *бjзандать* ‘надоедать разговорами’ (Подп.), ‘шептать’ (Прион.) [Там же]. Возможно, одно из приведенных переносных значений обусловлено значением *бjзандать* ‘издавать шум, шуметь’ (Подп.) [Там же]. Таким способом надоедливый коммуникативный акт ассоциируется со звуком, производимым мухой, с ее жужжанием, писком. Ср. также:

бjлендатель — карел. *bul’ahuttua* ‘резко вылить, бухнуть; плеснуть, булькнуть’ [Федотова, с. 17] → *бjлендатель* ‘булькать (о воде)’ (Лод.) → *бjлендатель* ‘говорить невнятно, неотчетливо’ (Лод.) [СРНГ, вып. 3, с. 270];

бjляндатель — вепс. *bäläita* ‘блеять’ [НВРС, с. 46], карел. *bälis’s’ä* ‘блеять, галдеть, шуметь’ [Федотова, с. 18] и *бjляндатель* ‘блеять’ (Подп.) [СРГК, вып. 1, с. 157] → ‘болтать попусту’ (Подп.) [Там же];

кjбрандатель — ливв. *kurišta* ‘урчать’ [СКЯМ, с. 166], карел. *kurata* ‘урчать — о животе’ [KKS] → *кjбрандатель* ‘невнятно говорить’ (Карг., Выг.) [СГРС, вып. 6, с. 332];

мяжэндать — вепс. *mäžaita* ‘хрустеть, трещать’ [СВЯ, с. 346] → *мяжэндать* ‘невнятно говорить, бормотать’ (Выт.), *мяжайдать* ‘то же’ (Пуд., Медв.), *мэжадать*, *мэжайдать* ‘то же’ (Медв.) [СРГК, вып. 3, с. 213], *междунья* ‘о бормочущей, невнятно говорящей женщине’ (Медв.) [Там же, с. 214];

мярейдать — вепс. *märäita* ‘реветь, издавать рев (о животных)’ [НВРС, с. 265], карел. *märissä* ‘рычать (собака, кошка), блеять, мяукать’, ‘скулить (о ребенке), бранить (напр., о матери)’ [KKS] и *мярейдать*, *мяредать* ‘громко кричать, реветь’ (Пуд., Выт., Медв.) [СРГК, вып. 3, с. 218] → *мярейдать* ‘говорить неразборчиво, бормотать’ (Подп.) [РДЭС, с. 518];

нинендать — ливв. *pineita* ‘пищать’, *piñištä* ‘пищать (в том числе и о комарах)’, где *pinineh* ‘пищание, писк’, *piñoi* ‘комар’ [СКЯМ, с. 268, 269] → *нинендать* ‘тихо, негромко говорить’, ‘свистеть, пищать’ (Подп.) [СРГК, вып. 4, с. 513];

ряхкать — карел. *rähkiä* ‘кряхтеть, пыхтеть, охать’ [KKS] и *ряхкать* ‘хрюкать, издавать характерные для свиньи звуки’ (Медв.) [СРГК, вып. 5, с. 616] → ‘ворчать, брюзжать, бурчать’ (Медв.) [Там же] и др.

Как видим, глаголы, попавшие под метафорический перенос, сохраняют отдельные характерные черты звуков, издаваемых животными, производимых предметами быта, природными явлениями. Этот акустический параметр, связанный с распознаванием и сопоставлением звуков, тесно соприкасается с особенностями артикуляции звуков. Так, образ неясности отдельных звуковых явлений (чаще природных: плеск, бульканье воды, хруст, треск веток) используется для характеристики невнятности речи, например бормотания. Ср. с артикуляционных позиций рассмотренные выше глаголы: *булендать*, *кырандать*, *мяжэндать* (*мяжейдать*), а также *айраждать* (*арандать*), *мярайждать* (*мярендать*), *чываждать*, *чивардавать*, *чырайдавать* (*чырандавать*), *шавердавать* (*шавертать*, *шавердавать*), которые отражают продуктивность перехода ‘неясный звук’ → ‘неясная, невнятная речь, бормотание, ворчание’.

Обращает внимание преобладание глагольных рефлексов, относящихся к коту (кошке)⁶. Образ животного рисуется неоднозначно: 1) это ласковое животное, издающее приятные, тихие, мурлыкающие звуки, похожие на протяжное, жалобное пение; 2) это надоедливое животное, издающее неприятные, громкие, высокие, раздражающие, повторяющиеся мяукающие звуки, часто имеющие носовой призывок, похожие на ворчание, крик, детский плач, просьбу. Ср. отдельные примеры, где на основе звуков, издаваемых кошкой, развились значения, связанные с речевой деятельностью:

⁶ Вопрос о том, почему кошачья тенденция была настолько активной вряд ли можно считать решенным. Здесь большое поле для размышлений, отправляющих, прежде всего, к славянской культурной традиции, где наблюдается корреляция между кошкой и собакой, где присутствует неоднозначное отношение к животному в язычестве и православии (обозначена связь с нечистой силой и черты домашнего покровителя, оборотничество). Границы между котом (кошкой) и человеком неуловимы, имеется широкая представленность образа в русском фольклоре и т. д. [см.: Гура; Топоров].

вянькать — ливв. *vängüö* ‘канючить; ныть, реветь’ [СКЯМ, с. 446]; фин. *vänkyä* ‘ревмя реветь, ныть, плакать (о ребенке)’, фин. вост. диал. *viñkta* ‘визжать, пищать’ [SES], вепс. *vingahtada* ‘взвизгнуть’ [НВРС, с. 469]; ливв. *vinguo* ‘визжать; свистеть; скрипеть’ [СКЯМ, с. 435], ср. также *завяньговать* ‘замяукать’ (Медв.) [СРГК, вып. 2, с. 102] ← ливв. *vängüö* ‘канючить; ныть, реветь’ [СКЯМ, с. 446]; *вянькать* ‘говорить вяло, невнятно’ (Тихв. Новг., Олон. и др.) [СРНГ, вып. 6, с. 79] ← вепс. *viñkta* ‘визжать, пищать’ [НВРС, с. 469];

күрандаты — карел. *kurnata* ‘урчать’, ‘мурлыкать’ [KKS] и *күрандаты* ‘мурлыкать’ (Подп.) [СРГК, вып. 3, с. 62] → ‘говорить, бубнить что-н.’ (Прион.) [Там же];

мярандаты — вепс. *märäita* ‘реветь, издавать рев (о животных)’ [НВРС, с. 265], карел. *törätä* ‘рычать, реветь’ [SES] → *мярандаты* ‘громко мяукать’ (Выт.) [СРГК, вып. 3, с. 285], ‘надоедливо мяукать’ (Выт.) [РДЭС, с. 517–518], *мярядаты* ‘сильно плакать (о ребенке)’, *мярядаты* ‘плакать’ (Выт. Олон.) [СРНГ, вып. 19, с. 87], *мярядаты* ‘кричать; плакать’ (Прион.) [РДЭС, с. 517–518] → *мярядаты* ‘говорить неразборчиво, бормотать’ (Подп.) [Там же];

нявгаты — карел. *ñaukiuo*, ливв. *ñauguo*, собст. карел. *ñaugua*, фин. *naukia* ‘мяукать’ [СОС, с. 50] и *нявгаты* ‘мяукать’ (Пуд., Лод., Карг.), *нявгануть* ‘мяукнуть’ (Онеж.) [СРГК, вып. 4, с. 59–60] → *нявгаты* ‘говорить в нос, гнусавить’ (Карг., Волог.) [Там же, с. 60];

урандаты — фин. *urina* ‘рычание; ворчание; брюзжание; бормотание’, *urista* ‘рычать; ворчать; брюзжать’ [ФРС, с. 681] → *урандаты* ‘мяукать’ (Карг., Выт.), *урайдаты* ‘мурлыкать’ (Канд.), *урайдалка* ‘о мяукающей кошке’ (Кем.), *уранданье* ‘мяуканье’ (Выт.) [СРГК, вып. 6, с. 626] → *урандаты* ‘бурчать’ (Выт.), ‘сердито бормотать, выражая неудовольствие, ворчать, брюзжать’ (Подп., Выт.), ‘ругаться’ (Выт.) [Там же];

хырадаты — вепс. *heläita* ‘звенеть; дребезжать’ [НВРС, с. 87] → *хырадаты* ‘громко мурлыкать’ (Пуд.) [СРГК, вып. 6, с. 740], *захырадаты* ‘замурлыкать’ (Плес.) [СРГК, вып. 2, с. 235] → *хырадаты* ‘ворчать, брюзжать’ (Пуд.), ‘плакать, реветь’ (Подп.) [СРГК, вып. 6, с. 740], возможно, сюда же *хыландаты* ‘разговаривать, болтать о чем.-л.’ (Медв.) [Там же] и др.

Акустические особенности речи представлены тембром звука (высота, громкость и длительность). Ср. например, вторичность значения ‘гнусавить’, отмеченная у глаголов *вяньгаты*, *магайдаты*, *нюгайдаты*, *нявгаты*, *нягайдаты*. Данная сема соотносится с представлениями о надоедливых жалобах, неприятных звуках, производимых кошкой, ср.: ливв. *vinguo* ‘просить, канючить’ [СКЯМ, с. 435]; вепс. *nühkota* ‘становиться грустным, грустить; мрачнеть, помрачнеть’, *nühkta* ‘хныкать, всхлипывать’ [НВРС, с. 280]; карел. *ñaukiuo* ‘мяукать’ [СОС, с. 50].

При этом в последнем случае можно усмотреть контаминацию компонентов значения, поскольку на физические особенности накладываются особенности работы произносительного аппарата, что более последовательно прослеживается, например, в значении глагола *вяньгаты* ‘говорить вяло, невнятно’ (Тихв. Новг., Олон. и др.) [СРНГ, вып. 6, с. 79] ← ливв. *ñauguo* ‘мяукать’ [СОС, с. 50]. Подобным образом речь раздраженного человека, сопровождаемая руганью,

криком и т. п., ассоциируется с громким звуком, издаваемым природным объектом, со звуком, произносимым животным.

В ряде случаев звуки кошки не дифференцированы от звуков, производимых собакой, быком и коровой, медведем и др. Так, *мярандает* не только кот / кошка, но и бык, корова, медведь; кошка, курица, лягушка *курайдают* / *курандают*; кот, бык, лягушка, собака, теленок *урандают* / *урайдают* и пр. Становится очевидно, что такое «рассеивание» возникло скорее всего на русской почве, когда перестало быть важным обстоятельство: какое именно животное производило звук. Однако эти недифференцированные по животным звуки были значимы для северного социума, а потому попадали в орбиту ассоциаций и получали переносное значение, переходя в сферу речевой деятельности (см. табл. 1).

Можно продолжить ряд подобных интерпретаций, где наблюдаются ассоциации между артикуляционно-акустическими особенностями речевой деятельности человека (темп, тембр, интенсивность, отчетливость и др.) и звуками, интегрированными в ономатопоэтических глаголах. Последние подчеркивают значимость животных, природных явлений, артефактов для культурной традиции контактных зон славянского и неславянского населения.

Обсуждение и заключение

Представленные номинации — фрагменты семантического поля и, как следствие, языковой картины мира, прежде всего, русскоговорящих жителей Карелии, в чьей речи исследуемые номинации функционируют и реализуют семантический, антропоцентрический потенциал.

Преобладание в семантическом поле глагольной лексики не случайно, поскольку она в данном случае — ключевое звено в отражении мира. Глаголы представляют значимые компоненты звукового образа, а их семантические производные маркируют речевую деятельность человека, укладываясь в универсальные модели переносов. Глагольные номинации исследуемого фрагмента семантического поля — это свидетельства важности речевых актов и их оценки социумом. Большая часть из них связана с отступлением от моральных и физиологических норм, мешающих полноценной коммуникации, — одного из важнейших фрагментов социального, культурного взаимодействия, а потому занимающего одно из ведущих мест в иерархии ценностных ориентиров, отраженных в языке.

Данная тема имеет широкую исследовательскую перспективу как в традиционных (прежде всего этимологических), так и в новых исследовательских парадигмах антропоцентризма при описании различных языковых явлений и категорий, в процессах их познания и осмысления.

Сокращения

В названиях административно-территориальных единиц

	Архангельская область		Новгородская губерния
Карг.	Каргопольский район	Белозер. Новг.	Белозерский уезд
Онеж.	Онежский район	Тихв. Новг.	Тихвинский уезд
Плес.	Плесецкий район		Олонецкая губерния
	Вологодская область	Выт. Олон.	Вытегорский уезд
Баб.	Бабаевский район		Республика Карелия
Волог.	Вологодский район	Белом.	Беломорский район
Выт.	Вытегорский район	Кем.	Кемский район
	Ленинградская область	Кондоп.	Кондопожский район
Кириш.	Киришский район	Медв.	Медвежьегорский район
Лод.	Лодейнопольский район	Олон.	Олонецкий район
Подп.	Подпорожский район	Прион.	Прионежский район
	Мурманская область	Пуд.	Пудожский район
Канд.	Кандалакшский район	Сег.	Сегежский район

В названиях языков и диалектов

вепс.	вепсский язык	север.	северное
вост. диал.	восточные диалекты финского языка	собст. карел.	собственно карельское
карел.	карельский язык		наречие карельского языка
ливв.	ливвиковское наречие карельского языка	фин.	финский язык

Источники

КРС — *Зайков П. М., Ругоев Л. И.* Карельско-русский словарь. Петрозаводск : Периодика, 1999.

НВРС — *Зайцева Н. Г.* Новый вепско-русский словарь = *Uz' vepsä-venälaine vajehnik*. Петрозаводск : Периодика, 2010.

СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. Л. : Наука, 1972.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / гл. ред. А. К. Матвеев (т. 1–5) ; М. Э. Рут (т. 6–). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.

СКЯМ — Словарь карельского языка : (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров ; под ред. И. В. Сало, Ю. С. Елисеева. Петрозаводск : Карелия, 1990.

СОС — Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепского, саамского языков / под общ. ред. Ю. С. Елисеева, Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2007.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994–2005.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42) ; С. А. Мызникова (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1965–. Вып. 1–.

ТСРГ — Толковый словарь русских глаголов : Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-Пресс, 1999.

Федотова В. П. Дескриптивные глаголы в карельском языке : словарь / В. П. Федотова. Петрозаводск : Периодика, 2002.

ФРС — *Вахрос И., Щербаков А.* Большой финско-русский словарь / под ред. В. Олыккайнен и И. Сало. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1999.

ЭСС — Экспериментальный синтаксический словарь / под ред. Л. Г. Бабенко. URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2847> (дата обращения: 29.01.2022).

KKS — Karjalan kielen sanakirja. URL: <https://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/karjala.cgi> (дата обращения: 29.01.2022).

Исследования

Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре // Известия Академии наук СССР. 1996. Серия литературы и языка. Т. 45, № 3. С. 208—223.

Бабенко Л. Г. Функциональный анализ глаголов говорения, интеллектуальной и эмоциональной деятельности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Ростов н/Д, 1980.

Бабина Л. В., Толмачева В. А., Толмачева И. Н. Метафорические когнитивные модели формирования переносного значения «Говорение» (на материале русских говоров) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 1. С. 40—48. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-1-40-48>

Баженов Н. Ю. Лексико-семантическое поле «Речь» в русских говорах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Самара, 2018.

Бессонова Ю. А. Семантическое микрополе глаголов речи в литературном языке и говорах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (8). С. 33—37.

Васильев Л. М. Семантика русского глагола (глаголы речи, звучания и поведения). Уфа : Изд-во Башк. ун-та, 1981.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий : варианты речевого поведения. М. : Наука, 1993.

Гура А. В. Кошка // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1999. Т. 2. С. 637—640.

Дворник О. Д. Функциональная категоризация глаголов говорения в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Белгород, 2003.

Ермолаева И. А. Семантическая классификация глаголов речи в русском языке // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14, вып. 3. С. 362—375. <https://doi.org/10.21638/11701/srbu09.2017.306>

Зализняк Анна А. Глагол говорить : три этюда к словесному портрету // Язык о языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 381—402.

Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М. : Ин-т языкознания РАН, 1997.

Кубрякова Е. С. Язык и знание : На пути получения знания о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Кюршунова И. А. Номинации процесса говорения прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии (структурный аспект) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 2. С. 161—180. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.2.030>

Пюльзю Е. А. Метафорическая лексика в структурно-семантическом аспекте : по материалам севернорусских говоров : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Петрозаводск, 2008.

РДЭС — *Мызников С. А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019.

Топоров В. Н. Кот // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Рос. энцикл. : Олимп, 1997. Т. 2. С. 11.

Фадеев Г. А. Структурно-семантический анализ синонимических отношений глаголов со значением звучания, удара-стука и говорения в говоре Заонежья Медвежьегорского района Карельской АССР : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Л., 1986.

SES — Suomen etymologinen sanakirja. URL: http://kaino.kotus.fi/ses/?p=qs-article&etym_ETYM_967ee114202294556688a6baac25e4f4&list_id=1&keyword (date of access: 29.01.2022).

References

Apresyan, Yu. D. (1996). Performativy v grammatike i slovare [Performatives in Grammar and Vocabulary]. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i iazyka*, 45(3), 208–223.

Babenko, L. G. (1980). *Funktional'nyi analiz glagolov govoreniia, intellektual'noi i emotsional'noi deiatel'nosti* [Functional Analysis of Verbs of Speaking, Intellectual and Emotional Activity] (doctoral dissertation abstract). Rostov-on-Don.

Babina, L. V., Tolmacheva, V. A., & Tolmacheva, I. N. (2020). Metaforicheskie kognitivnye modeli formirovaniia perenosnogo znacheniiia “Govorenie” (na materiale russkikh govorov) [Metaphorical Cognitive Models of the Formation of the Figurative Meaning of “Speaking” (Based on the Material of Russian Dialects)]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 1, 40–48. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-1-40-48>

Bazhenov, N. Yu. (2018). *Leksiko-semanticheskoe pole “Rech” v russkikh govorakh* [Lexico-semantic Field “Speech” in Russian Dialects] (doctoral dissertation abstract). Samara.

Bessonova, Yu. A. (2011). Semanticheskoe mikropole glagolov rechi v literaturnom iazyke i govorakh [Semantic Micro-field of Verbs of Speaking in Literary Language and Dialects]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 1 (8), 33–37.

Dvornik, O. D. (2003). *Funktional'naia kategorizatsiia glagolov govoreniia v sovremennom angliiskom iazyke* [Functional Categorisation of Verbs of Speaking in Modern English] (doctoral dissertation abstract). Belgorod.

Ermolaeva, I. A. (2017). Semanticheskaiia klassifikatsiia glagolov rechi v russkom iazyke [Semantic Classification of Speech Verbs in the Russian Language]. *Vestnik SPbGU. Iazyk i literatura*, 14(3), 362–375. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.306>

Fadeev, G. A. (1986). *Strukturno-semanticheskii analiz sinonimicheskikh otnoshenii glagolov so znacheniem zvuchaniia, udara-stuka i govoreniia v govore Zaonezh'ia Medvezh'egorskogo raiona Karel'skoi ASSR* [Structural and Semantic Analysis of Synonymous Relations of Verbs with the Meaning of Sounding, Striking, Knocking and Speaking in the Dialect of Zaonezhye of Medvezhyegorsky District, Karelian ASSR] (doctoral dissertation abstract). Leningrad.

Gura, A. V. (1999). Koshka [Cat]. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary] (Vol. 2, pp. 637–640). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.

Kubryakova, E. S. (1997). *Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniia* [Parts of Speech from the Cognitive Perspective]. Moscow: Institute of Linguistics RAS.

Kubryakova, E. S. (2004). *Iazyk i znanie: Na puti polucheniiia znaniia o iazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniia. Rol' iazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: On the Way to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from the Cognitive Point of View. The Role of Language in the Knowledge of the World]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Kyurshunova, I. A. (2023). Nominatsii protsessa govoreniia pribaltiisko-finskogo proiskhozhdeniia v russkikh govorakh Karelii (strukturnyi aspekt) [Nominations of the Speech Process of Finnic Origin in the Russian Dialects of Karelia (Structural Aspect)]. *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(2), 161–180. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.2.030>

Myznikov, S. A. (2019). *Russkii dialektnyi etimologicheskii slovar'. Leksika kontaktnykh regionov* [Russian Dialect Etymological Dictionary. Vocabulary of Contact Regions]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Pylsy, E. A. (2008). *Metaforicheskaia leksika v strukturno-semanticheskom aspekte: po materialam severnorusskikh govorov* [Metaphorical Vocabulary in the Structural and Semantic Aspect: Based on the Materials of Northern Russian Dialects] (doctoral dissertation abstract). Petrozavodsk.

Suomen etymologinen sanakirja. Retrieved from http://kaino.kotus.fi/ses/?p=qs-article&etym_ETYM_967ee114202294556688a6baac25e4f4&list_id=1&keyword

Toporov, V. N. (1997). Kot [Cat]. In S. A. Tokarev (Ed.), *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World] (Vol. 2, p. 11). Moscow: Rossiiskaia entsiklopediia; Olimp.

Vasilyev, L. M. (1981). *Semantika russkogo glagola (glagoly rechi, zvuchaniia i povedeniia)* [Semantics of the Russian Verb (Verbs of Speech, Sound and Behaviour)]. Ufa: Bashkir University Press.

Vinokur, T. G. (1993). *Govoriashchii i slushaiushchii: varianty rechevogo povedeniia* [Speaker and Listener : Variants of Speech Behaviour]. Moscow: Nauka.

Zaliznyak, Anna A. (2000). Glagol govorit': tri etiuda k slovesnomu portretu [Verb *Govorit'*: Three Studies for a Verbal Portrait]. In N. D. Arutyunova, *Iazyk o iazyke* [Language about Language] (pp. 381–402). Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Кюршунова Ирина Алексеевна

доктор филологических наук
¹ профессор кафедры русского языка как
иностранного и прикладной филологии
Петрозаводский государственный
университет

185910, Республика Карелия,
Петрозаводск, пр. Ленина, 33;
² ведущий научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
185910, Республика Карелия,
Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: kiam24@mail.ru

Kyurshunova, Irina Alekseevna

Dr. Hab. (Philology),
¹ Professor, Department of Russian as
a Foreign Language and Applied Philology
Petrozavodsk State University
33, Lenin Ave., 185910 Petrozavodsk,
Republic of Karelia, Russia

² Leading Research Fellow
Institute of Language, Literature, and History
of the Karelian Scientific Centre of the RAS
11, Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Republic of Karelia, Russia
Email: kiam24@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7232-8756>
Scopus AuthorID: 57192955426
WoS ResearcherID: ABC-2647-2020